

ВТОРАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Константин Сонин,

Чикагский университет и НИУ Высшая школа экономики

[15/01/2022]

Вторая русская революция, события, произошедшие между 1989 и 1992 годом, и приведшие к радикальной трансформации общественных и экономических отношений и политической системы в России, отделению союзных республик, сравнивается с четырьмя важнейшими революциями прошлого – Американской, Французской, Китайской и Первой русской. Особое внимание уделяется двум концепциям современной политической экономики: во-первых, связывающим обязательствам, невозможность которых в контексте борьбы за власть объясняет почему попытки реформ политической системы в канун революций были безуспешными; во-вторых, координированным действиям большого числа индивидов в отсутствие единых интересов или какой-то организующей структуры. Это помогает понять механизм событий 1989-1992, который плохо описывается в логике групповых и, тем более, классовых интересов.

Вторая русская революция не воспринимается как одна из великих революций в истории человечества ни в общественном сознании, ни в академическом дискурсе. Более того, зачастую она не воспринимается как революция вовсе. Между тем, она, несомненно, таковой является. Трудно представить определение революции, под которое не подошёл бы коллапс советского государства и плановой системы управления, выделение, в качестве независимых стран, частей, в которых проживала половины населения страны, сто пятьдесят миллионов граждан, и радикальная трансформация общественного уклада, структуры собственности и экономических отношений, произошедшие между 1989 и 1992 годом. Эти события удовлетворяют всем требованиям определений – и классических, и новых.¹

Более того, эта революция должна была бы по праву занимать место среди крупнейших разрывных трансформаций общества, государства и экономики в мировой истории. Только одна мировая революция, из десятков, если не сотен, произошла в стране с большим населением (Китайская революция, 1911-1949). Ни одна революция не происходила в стране с армией или аппаратом внутренней безопасности такого размера,

¹ Определения социальных и политических революций давались в de Tocqueville (1856), Marx (1891), Сорокин (1923), Brinton (1938), Moore (1976), Gurr (1970), Skocpol (1979), Goldstone (1980), Tilly (1995), Katz (1997), Goodwin (2001) и других работах. См. краткое описание четырёх поколений теорий революции, например, в Goldstone (2001).

абсолютного или относительного. Ни одна революция такого масштаба не происходила в стране с таким уровнем жизни, образования и технологического развития.

Причины, по которым Вторая русская революция не воспринимается, в историческом контексте, в ряду самых важных в истории революций, многообразны.² В отличие от Французской, Китайской и Первой русской революции (1917-1922), она не сопровождалась ни гражданской войной, ни послевоенным террором в главных городах страны. Несмотря на то, что старая политическая элита утратила власть, её члены не были казнены или вынуждены эмигрировать – некоторые даже сохранили своё место в «широкой элите». Она не сопровождалась насильственным отъёмом значительной частной собственности у узкой элиты: не было элиты, сложившейся по имущественному признаку, не было сословной структуры общества в целом. Более того, за пределами небольшого круга лиц, непосредственно находившихся у власти в предреволюционный период, не было никакой социальной группы, пострадавшей от революции непосредственно.³ Власти на местах, правоохранные и судебные органы были реформированы, на большей части исходной территории, мирным образом; там же не нарушалась работа транспорта, образовательных учреждений и т.п. Наконец, политическая риторика новой власти была последовательно «реформаторской», то есть не отменяющей, а обновляющей существующую систему.

Однако главная, возможно, причина, по которой академический мир не спешит ставить Вторую русскую революцию в ряд мировых революций, состоит в том, что такое восприятие противоречит представлению о смене общественных формаций как поступательном прогрессе.⁴ Современному историку или политологу не нужны новые аргументы против теории о постоянном прогрессе: прекрасно понятно и много раз описано, что нет универсальных законов развития стран, которые гарантировали бы постоянное улучшение институтов, материальных условий, качества жизни или защиты прав личности. Тем не менее, любая известная теория революций опирается, явно или неявно, на смену общественных формаций в одном направлении. События 1989-1992 годов в России, если их считать революцией, прямо противоречат этому принципу – они отменили, по большому

² Книга Мау, Стародубровская (2001), ставящая Вторую русскую революцию в контекст Английской, Французской, Мексиканской и Первой русской, является редким исключением.

³ Конечно, крах СССР привёл к значительному перераспределению имущества и доходов, в том числе и между целыми социальными группами. Существенно, однако, что эти потери не осознавались и не ожидались по ходу революции (отчасти из-за инерционных ожиданий в её преддверии, Юрчак, 2014) и, соответственно, не стали базой для формирования организованного сопротивления изменениям на начальной стадии.

⁴ См., например, популярную теорию Франсиско Фукуямы о «конце истории» (Фукуяма, 2010[1992]).

счёту, результаты революции 1917-1922, вернув, прежде всего, частную собственность и рыночные отношения. Таким образом, признание событий 1989-1992 революцией задаёт выбор: либо революция 1917-1922 не была настоящей революцией, либо результаты революции могут быть в значительной степени, в её ключевых элементах, отменены десятилетия спустя.

Парадоксальным образом общая точка зрения на Вторую русскую революцию соответствует взглядам тех, кто воспринимал «проект СССР» как «социалистический эксперимент», девиацию нормального развития, пусть и неслыханных масштабов. В этой картине мира эксперимент, провалившись, вернул страну и общество на прежний путь. Конечно, те, кто говорил про «эксперимент», не имели в виду ограниченности во времени – скорее, подчеркивали новизну выбранного курса, особенно в сравнении с ожидавшимся, для страны догоняющего развития, курсом. Однако очевидная слабость такого подхода состоит в том, что он позволяет объявить, *ex post*, любой временной интервал в развитии страны «экспериментом». А если поставить вопрос в реальном времени – как определить, идёт сейчас, в 2022 году, в Китае эксперимент или нет? Социалистический строй в России просуществовал 70 лет – значительный интервал в исторической перспективе. Таким образом, более естественно считать и первую революцию, 1917-1922, и вторую, 1989-1992, событиями не связанным между собой напрямую как начало и конец «эпохи СССР», а, напротив, обновить наше представление о том, что такое революция – в той части, в которой это понятие подразумевает движение вперёд (или вверх) по воображаемой «лестнице развития».

Особенности второй революции

Любой исследователь революций обязательно сталкивается с проблемой невероятного многообразия эпизодов смены власти, структуры собственности, общественных формаций в мировой истории. Даже если сосредоточиться только на важных эпизодах, многообразие велико. Может случиться так, что радикальное изменение политических институтов оказывается краткосрочным. Падение Веймарской республики и приход к власти Гитлера в Германии в 1932 году – важный пример радикальных, но нежизнеспособных изменений. Принципиально новый политический режим успел сформироваться в течение нескольких лет, но также быстро рухнул в результате развязанной им же мировой войны. И, наоборот, может случиться так, что радикальная экономическая трансформация не приводит к смене политического режима. Два

важнейших эпизода фундаментальных экономических изменений, не сопровождавшихся хоть сколько-то заметными политическими потрясениями, появление регуляторного государства в США во второй половине 19-го – начале 20-го века и появление рыночной экономики в Китае во второй половине 20-го, соответствовали революционным изменениям в экономике. В обоих случаях это происходило при неизменной, стабильной политической системе – в одном случае в демократической, в другом – в авторитарной. Мы обсудим оба случая ниже.

В то же время крах политического режима не обязательно сопровождается столь же радикальной экономической трансформацией. Падение Французской четвёртой республики в результате неудавшегося военного переворота и создание пятой в 1961 году тому пример. Американская революция (1765-1783), которую мы будем подробно обсуждать ниже – ещё более важный пример. Фундаментальные и долгосрочные изменения политических институтов, произошедшие в результате революции, не сопровождались никакими принципиальными изменениями в отношении собственности.

Несмотря на то, что революции и сопровождающие их гражданские войны дали примеры самого устрашающего зверства, кровавых внутриэлитных расправ и массовых репрессий, реальное насилие не является необходимым признаком революции. Славная революция в Англии (1688) – пример тектонических изменений в средне- и долгосрочной перспективе, не сопровождавшихся в момент революции насилием.⁵ Иранская революция (1979) и «бархатные революции» в Восточной Европе (1989-1990) – примеры того, как радикальная смена власти, включающая полное обновление политических элит, изменение экономического и общественного строя может не сопровождаться хоть сколько-то массовым насилием в момент трансформации.⁶

Тем не менее, можно выделить следующие необходимые признаки революции. Во-первых, результатом должна стать смена институтов – политических или экономических. Во-вторых, должна произойти смена политического руководства – не только высшего, но и среднего звена. По существу, эти два признака отвечают за долгосрочность последствий (смена институтов) и за резкость изменений (единовременная смена лиц во власти). В третьих, изменения должны происходить за пределами политических институтов

⁵ Исторические подробности Славной революции см. в Pincus (2009). Ключевая роль Славной революции в развитии английского капитализма была впервые подчеркнута в North, Weingast (1989). Асемоглу и Робинсон (2015[2012]) подробно объясняют фундаментальную важность процесса мирного перехода от экстрактивных к инклюзивным институтам в Великобритании в результате Славной революции.

⁶ Современный анализ иранской революции см., например, в Shadmehr (2018).

предыдущего режима: изменения, принятые в результате реформ, одобренных предыдущих режимом, даже если они приводят к новому режиму, или смена власти с помощью какой-то институционализированной процедуры не являются революциями.

Принципиальное отличие революции 1989-92 годов от революций прошлого состоит в том, что старый режим обладал значительно большим государственным аппаратом, чем все предыдущие свергнутые режимы. Соответственно, ещё большую, чем в предыдущих революциях, роль играла прогрессирующая неспособность государственного аппарата выполнять свои базовые функции. В случае предыдущих революций можно было говорить об индивидуальной некомпетентности или других личных свойствах монарха или министра. В данном случае, наоборот, даже индивидуальная компетентность, договороспособность и целеустремленность тех или иных лиц ничем не помогала в ситуации, когда система в целом работала всё хуже и хуже. То же самое относится к целым структурам – например, органам безопасности. В исторических революциях имело смысл обсуждать интересы и действия отдельных акторов и даже движения отдельных полков в решающие моменты; имеет ли смысл такое обсуждение при нарастающей общей дисфункции огромного государственного аппарата, непонятно.

Второе принципиальное отличие состоит в том, во Второй русской революции, в отличие от Первой русской, Французской и Китайской революций, невозможно выделить «классы» или даже социальные группы, объединенные интересом продвижения (или, наоборот, противостояния) революции. Одни важные изменения происходили спонтанно (фактическая смена власти в центре и в республиках в августе 1991-го года); другие – при столь широкой поддержке, что невозможно выделить социальные группы, как-то сопротивлявшиеся изменениям (массовая приватизация жилья). В некоторых конфликтах можно выделить стороны, не являющиеся, однако, социальными группами: например, конкретная форма российской приватизации в значительной степени была продиктована доминированием руководителей предприятий в парламенте, но в масштабе страны руководители предприятий недостаточно многочисленны, чтобы восприниматься как социальная группа, а интересы других социальных групп (рабочих) они выражали в минимальной степени.⁷

⁷ В Shleifer, Treisman (2000) российские реформы после 1992 года анализируются как смены институтов, рента от существования которых получают разные коалиции до и после реформ. Miller (2016) рассматривает попытки реформ 1985-1991 годов как преодоление сопротивления групп интересов, организованных по хозяйственному принципу, см. ниже.

Возникает естественное искушение поставить Вторую русскую революцию в ряд национально-освободительных революций, от Американской до пост-колониальных революций XX века. Это искушение тем более сильно, что для многих советских республик события 1989-1991 года, приведшие к формированию независимых государств и были, действительно, национально-освободительными революциями, во многом схожими с освобождением колоний после Второй мировой войны.⁸ Такой подход мог бы применяться в отношении остальных союзных республик (и был успешно применен), но не представляет никакой ценности в отношении собственно России. Отношения России с республиками после 1991 года похожи на отношения Великобритании с бывшими колониями Британской империи после 1945 года: утрата колоний не сказалась никаким революционным образом на британской метрополии. Даже в случае Франции, в которой утрата Алжира в 1958 году привела к переформатированию политической системы в метрополии, изменения не коснулись общественных и экономических отношений.

Возможно, необходимо добавить несколько слов о «внешнем влиянии». Влияние внешней обстановки, взаимоотношения с соседями и геополитическими конкурентами может быть фактором революционным изменений. Нередко именно внешние факторы приводятся в качестве основных и занимают значительную часть обсуждения той или иной революции. Сложность состоит в том, что практически у каждой страны есть внешнее окружение и ослабление государственной власти, экономический или общественный кризис всегда сопровождаются обострением внешнеполитической обстановки. И то, и другое может быть причиной, а может – следствием. Теоретически, можно предположить, что внутривнутриполитическое обострение (массовое недовольство, усиление репрессий, экономический кризис) вызвано внешними причинами. Те, кто находится у власти, с удовольствием распространяют это объяснение, снимающее с них ответственность и мобилизующее граждан. Однако чаще работает обратный причинно-следственный механизм: обострение ситуации внутри страны ведёт к ухудшению её международного положения, вынужденным уступкам или даже интервенциям со стороны соседей. Хотя делались попытки привязать революционные события 1980-90-х к внешним воздействиям или к геополитической обстановке в целом, ни одна из них не выдерживает хоть сколько-нибудь пристального критического рассмотрения.

⁸ Вопрос о том, какие республики и в какой степени были полноценными колониями России (Российской империи, а потом СССР), а какие, скорее, естественными частями, в которых появление национального государства стало результатом, а не причиной распада советской империи, требует отдельного обсуждения. См., например, Плохий (2016).

Новая политическая экономика революций

Развитие новых методов политической экономики в последние сорок лет, с начала 1980-х, дали многое теории революций. Современные инструменты стратегического анализа, прежде всего теории игр и теории информации, позволяют кратко изложить то, на что у исследователей предыдущих поколений уходили целые главы и тома.⁹ Появилась возможность моделировать коллективные действия субъектов, не объединенных единым (например, классовым) интересом и возможность учитывать информационные, а не физические шоки. Прогресс в методах статистического анализа данных показал бесплодность целых направлений в анализе революций. Некоторые теории предыдущих поколений подразумевали, явно или неявно, такие причинно-следственные связи, которые невозможно корректно идентифицировать. Например, если речь идёт о роли внешнего воздействия, невозможно установить – в стране ослабла власть из-за проблем на фронте или проблемы на фронте возникли из-за того, что ослабла власть?

Однако сначала – что было понятно про революции в общественных науках к концу XX века? От Аристотеля до де Токвиля и Маркса, теория общественного развития давала революциям простое и внятное абстрактное объяснение. Революция происходила тогда, когда система политического управления переставала соответствовать оптимальному механизму взаимодействия между субъектами экономики. Владимир Ленин, один из лидеров Первой русской революции, премьер-министр России в 1917-1924 и автор сотен политических статей и памфлетов, сформулировал условия для наступления революции в статье 1913 года: “Для революции недостаточно того, чтобы низы не хотели жить, как прежде. Для нее требуется еще, чтобы верхи не могли хозяйничать и управлять, как прежде.” Можно считать, что вся дальнейшая дискуссия о природе революций – это попытка придать этим абстрактным соображениям более точный смысл.

Марксистская интерпретация русской истории первой половины XX века преподавалась в советское школе как объективное знание, но, по существу, требовала серьезных натяжек даже на самом общем уровне. Конфликт, сложившийся в обществе перед революцией 1917 года, разумно интерпретировать как классовый, прежде всего потому четко видны противоречия между интересами крестьянского большинства и сохраняющей политическую власть и собственность аристократией. Также можно

⁹ Краткий обзор политэкономии недемократических режимов, включающий в себя современные работы по теории и эмпирике революций приведён в Egorov, Sonin (2020); обзор формальных моделей есть в Gehlbach, Sonin, Svulik (2016).

проследить менее явный, но видимый конфликт между интересами быстро растущего рабочего класса, новой финансовой буржуазии, которые марксисты ошибочно объединяли с правящим аристократическим классом, и архаическим политическим устройством.¹⁰ Однако здесь же, на идентификации истоков, польза от марксистского подхода и заканчивается. Революция не привела к обещанному контролю производителей («рабочего класса») над средствами производства. В стране сложилась диктатура, в которой интересы всех социальных групп были подчинены личным интересам то небольшой группы лиц, то вообще одного лидера. Другой класс, самый крупный до революции, крестьяне, который как раз был в неразрешимом конфликте с классом крупных землевладельцев-наследственной аристократий, был вообще уничтожен – прежде всего, как класс – в результате революции.

Забегая вперёд, Вторая русская революция нанесла двойной удар по тем, кто пытался вписать российский опыт XX века в марксистскую теорию общественного развития. Во-первых, она, с точки зрения последовательного марксиста, двигала историю вспять: от более прогрессивной общественной формации к менее прогрессивной. Сама возможность такой «обратной» революции – опровергающий пример для марксистского подхода. Во-вторых, она дала пример – к этому моменту, уже очередной – революции, в которой невозможно идентифицировать какие-то классы как акторов или даже просто бенефициаров.

Вовсе неслучайно марксистский анализ революций был заброшен в конце 1970-х. Последней фундаментальной работой, использовавшей, в явном виде, марксистскую классовую терминологию была книга Скочпол (Skocpol, 1979), самая, возможно, важная работа о природе революций в XX веке. Однако марксистского в анализе Скочпол – только указание на единые, то есть классовые, интересы крестьян, противоречие которых с элитой, неразрешимое в рамках старых политических систем, было движущим механизмом великих революций во Франции, Китае и России. В главном анализ опирается на концепцию политических изменений в результате борьбы организованных групп, объединённых единым интересом.¹¹ У этого подхода есть два преимущества. Во-первых,

¹⁰ История отношений между рабочим классом и финансовым капиталом в XX веке показала, что они принципиально отличаются от отношений между аристократией и крестьянами. Есть множество примеров – практически из всех стран-лидеров экономического развития – мирного и взаимовыгодного разрешения конфликтов между рабочими и капиталистами.

¹¹ Теория, в которой политическая и институциональная динамика объясняются борьбой «групп интересов», была сформулирована в современном виде Тилли (Tilly, 1978), хотя восходит, по существу, к де Токвилю (De Tocqueville, 1856). Формальную модель см., например, в Acemoglu, Egorov, Sonin (2015).

он позволяет анализировать и мирные, и немирные трансформации в рамках одной и той же модели. Революции происходят тогда, когда конфликт групп не может быть разрешён мирно внутри существующей политической системы. Второе преимущество состоит в том, что он снимает проблему коллективного действия или, как минимум, переносит её на уровень ниже, чем общество в целом. Группа интересов, по определению, организована; проблема коллективных действий для неё по определению решена.¹²

Для полноты картины следует упомянуть поколение революционных теорий, предполагавших ключевую роль массовой психологии (Сорокин, 1923, Brinton, 1938, Gurr, 1970). В самой экстремальной форме такие теории предполагают, что фундаментальные противоречия в системе, накопленные перед революцией, могут существовать независимо от объективных условий. Безусловно, психологические аспекты – массовые истерии и фобии, в том числе – могут играть значимую роль во время революции. В частности, они помогают преодолеть проблему коллективного действия. Тем не менее, в каждой из крупных мировых революций противоречие между существующими институтами и экономическими интересами граждан легко идентифицируется и специфицируется. Революций, при которых основные практические действия по свержению старого и конструированию нового мира основывались на сугубо психологических механизмах, пока не происходило.¹³

Что дает нашему пониманию революции современная политическая экономика? В прикладном анализе, использующем динамические игры, была внятна сформулирована «проблема связывающих обязательств».¹⁴ Актор, претендующий на власть, после её получения не будет связан никакими обязательствами, которые он дал до этого. Из-за этого актер, обладающий властью, её не передает, ожидая, что все гарантии, которые ему были даны, не будут ничего стоить после того, как он расстанется с властью. Соответственно, теперь имеется аналитически внятный ответ на вопрос – почему в период, предшествующий революции, те, кто обладал властью до, не могли осуществить частичную

¹² Несколько разделов Skocpol (1979) посвящены процессу формирования централизованных партий в Китае и России, которые играли ключевую инструментальную роль в консолидации авторитарных режимов.

¹³ Hollander (1999) детально анализирует нарастающее разочарование в коммунистических идеалах во всех слоях советского общества; это недовольство предлагается, среди прочего, в качестве объяснения снижающейся производительности труда в 1970-80е.

¹⁴ Ключевая роль, которую играет невозможность для экономических субъектов брать на себя связывающие обязательства, была продемонстрирована в North, Weingast (1989) в контексте Славной революции в Англии и в Acemoglu, Robinson (2001, 2006) в контексте перехода к демократии и расширения избирательной франшизы, соответственно. Acemoglu, Egorov, Sonin (2012) описывает самую общую теоретическую модель изменения конституции (например, расширения франшизы) в рамках действующей.

демократизацию? Почему монархи в итоге политического конфликта отправлялись на плаху, а не плавно и частично делились своей исходно неограниченной властью? Эти модели отвечают на один из центральных вопросов теории революций – почему изменения происходят радикально, а не плавно? Эпизод радикального, относительно быстрого, политического и экономического изменения, «прогрессивная революция» в США в конце XIX – начале XX века, который мы обсуждаем ниже, иллюстрирует важность связывающих обязательств, ключевого элемента моделей динамической политической экономики.

Кроме того, с появлением новых теоретико-игровых моделей преодолен логический разрыв, который обезоруживал целые поколения исследователей. С одной стороны, революционные изменения требовали и, по факту, всякий раз сопровождались, масштабными коллективными действиями. Однако невозможно просто так предполагать участие граждан в протестах и, тем более, в массовом вооруженном противостоянии властям, даже если эти граждане заинтересованы, в принципе, в смене власти. Во многих ситуациях выгодно, приятно, нестрашно участвовать в протесте или революционной борьбе если в ней участвует много других граждан и невыгодно, неприятно и страшно, если участников мало. С другой стороны, хороших моделей, не обязательно формальных, в которых субъекты-граждане принимали бы участие в коллективных действиях в соответствии с собственными рациональными предпочтениями, поначалу не было. Ранние теории революции просто игнорировали тот факт, что в ситуации, когда множество индивидов принимает решение об участии или неучастии в каком-то действии, наряду с равновесием, в котором большинство принимает участие, всегда существует равновесие, в котором все остаются дома. Но то, что проблема коллективных действий была в ходе каждой случившейся революции, решена, нужно не предполагать, а объяснять.

Поначалу марксистское понятие класса включало и множество людей, имеющих сходные интересы, и предположение о том, что они могут действовать координированно. Дальше появились первые модели механизмов, осуществляющих координацию – например, модель «революционного авангарда».¹⁵ Ещё более новые модели позволяют анализировать коллективные действия в ситуациях, в которых, как во Второй русской

¹⁵ Работа Ленина, предложившего «авангард» в качестве решения проблемы коллективных действий – это Ленин (1902); современная теоретическая модель революционного авангарда предложена в E.Vueno de Mesquita (2010).

революции, невозможно выделить классы и даже выделение четко очерченных групп интересов выглядит искусственным.¹⁶

Таким образом, революция требует комбинации двух элементов. Во-первых, необходимо, чтобы граждане воспринимали существующий политический режим или общественное устройство как фундаментально противоречащий их жизненным интересам. Противоречие между политическим режимом и интересами граждан может быть результатом самых разных историй, в том числе относительно длинных. В теоретическом чистом случае граждане терпят до момента какого-то внешнего шока, и перестают терпеть после. Шоком может быть технологический прорыв, изменение мировой конъюнктуры, обострение регионального конфликта, внешняя угроза. Ресурсов в распоряжении власти становится недостаточно, чтобы одновременно поддерживать стабильность по-прежнему и реагировать на шок.

Вторым элементом, необходимым для революции, является жесткость политической системы, не позволяющей ей превратить запрос на серьёзные изменения в практические реформы в рамках существующих институтов. Достаточно гибкая политическая система позволяет быстро, в историческом времени, трансформировать запрос на изменения в реальные изменения. Если недовольство граждан, вызванное, например, изменившимися обстоятельствами, учитывается при проведении реформ, то правильно проведённые реформы снимают напряжение и отдаляют угрозу насильственных изменений. В этом случае революции, разрывной трансформации общества и государства, не происходит.

Рассмотрим такой пример. Как возникло регуляторное государство в США? До середины XIX века регуляторные функции выполняли суды: пострадавший, скажем, в результате потребления некачественного товара, мог подать иск к продавцу, требуя компенсации ущерба. Быстрый рост и технический прогресс во второй половине века привёл к возникновению первых крупных корпораций – например, железнодорожных. Потребление товаров и услуг, производимых этими фирмами, стало массовым, а судебные тяжбы с ними – практически безнадежными из-за неравенства политической и экономической силы сторон. Возникшее в обществе недовольство новым положением вещей привело к появлению энтузиастов и лидеров общественного мнения на местном уровне, превращению их местных «боевых листков» в полноценные газеты, а их

¹⁶ Теоретические модели массовых политических действий, протестов и революций, не требующие существования единой координирующей силы, построены в Persson, Tabellini (2009), Shadmehr (2018), Egorov, Sonin (2021).

последователей – в активистов избирательных кампаний, избранию новых конгрессменов, губернаторов и президентов, поддерживающих введение, впервые в мире, местного и федерального регулирования, и, в конечном счёте, институциональным реформам. «Прогрессивная революция» в США – классический пример того, как гибкая политическая система мирно трансформирует последствия шока, в данном случае преимущественно технологического, в глубокие институциональные изменения.¹⁷ Заметим, что это тот же самый внешний шок, который не смогла абсорбировать российская абсолютная монархия во второй половине XIX века: реформы, которые могли бы учесть новые обстоятельства, так и не были проведены; конфликт интересов между растущим рабочим населением городов и капиталистами только усиливался.¹⁸

Пример появления регуляторного государства в США – это, конечно, пример функционирования демократической политической системы, конкурентных выборов всех уровней, свободной прессы и независимых от политиков судов. Однако гибкие политические системы – необязательно демократические, необязательно включают свободные выборы и необязательно сосуществуют со свободной прессой. Экономическая трансформация Китая, начавшаяся в конце 1970-х – не просто реформы сферы производства и потребления, а глубокие изменения структуры общества и, неявно, политических отношений в обществе – тоже является примером мирных, поступательных, но радикальных изменений. Несмотря на преемственность государственных институтов и сохранение многих внешних атрибутов коммунистической диктатуры времён Мао, окончательное исчезновение крестьянского класса, появление новой имущественной элиты, теперь неразрывно связанной с элитой политической, и массового среднего класса, интеграция в мировую экономику, неслыханная ни при имперском, ни при коммунистическом режиме – маркеры изменений, в чём-то сходных со Второй русской революцией, только произошедших без разрывной трансформации, то есть собственно революции.

¹⁷ Эта теория появления регуляторного государства в США сформулирована в Glaeser, Shleifer (2003).

¹⁸ Этот контраст между реакцией политических систем США и России на сходные технологические шоки упомянут в Glaeser, Sheinkman, Shleifer (2003). Полная теория ещё ждёт своего создателя, но можно предложить объяснение, опирающееся на связывающие обязательства. В России они были невозможны из-за того, что в абсолютной монархии одна уступка делает монарха менее сильным и, значит, увеличивает вероятность, что от него потребуются новые уступки. В США роль внешнего механизма, обеспечивающего исполнение обязательств, то есть делающих обязательства «связывающими», могло играть федеральное устройство (Weingast, 1995).

Четыре исторические революции

Историческую перспективу для анализа Второй русской революции задают четыре великих революции прошлого – Американская, Французская, Китайская и Русская, которую теперь естественно называть Первой русской революцией.¹⁹ В каждой из них легко выделяется конфликт между сложившейся системой государственного управления и изменившимися, в результате каких-то внешних шоков или органического развития, интересами граждан. В каждой хорошо прослеживаются признаки жесткости политических институтов, не позволивших превратить запрос на изменения, складывающийся в результате неоптимальности текущих институтов, в реальные изменения.²⁰ В каждой выделяется исторический нарратив, показывающий каким образом разрешалась, в итоге, проблема коллективных действий. Сравнение с этими революциями позволяет лучше понять значение отдельных действия – реформ, деклараций, выступлений – во время второй революции в России.

Американская революция (1765-1783)

Американская революция началась на периферии Британской империи серией местных протестов против налогов, косвенных и прямых, которые устанавливались имперскими властями. Поскольку жители колоний не были представлены напрямую в парламенте империи, основной канал трансляции запросов тех, кого облагали налогами, не работал. Когда британское правительство попробовало перейти на систему, при которой зарплата чиновников колоний в Северной Америке платилась бы из центральной казны напрямую, это только ослабило связь между интересами граждан и решениями государственных органов. Начиная с середины XVIII века жители колоний начали объединяться вокруг избираемых органов местной власти и, с обострением отношений с центром, исключать оттуда сторонников британской королевской власти. Поскольку эти процессы происходили параллельно в тринадцати североамериканских колониях,

¹⁹ Список «важных революций прошлого» разнится от работы к работе в зависимости от целей и аналитических инструментов авторов. Например, Brinton (1938) анализирует Английскую, Американскую, Французскую и (первую) Русскую революции, Skocpol (1979) - Французскую, Китайскую и Русскую..

²⁰ Мау, Стародубровская (2001) считают неспособность предреволюционных властей провести необходимые реформы «слабостью» власти. Наш подход, объясняющий неудачные попытки реформ во-первых, жесткостью политической системы, не позволяющей реформаторам (или любым лидерам, осознающим опасность статус кво) провести необходимые изменения в её рамках, и, во-вторых, невозможностью частичных реформ из-за невозможности дать связывающие обязательства, представляется более продуктивным. Во всяком случае, больше не требуется говорить про «слабость» режима, обладающего большими репрессивными возможностями и несвязанного демократическими институтами.

следующим естественным шагом стало объединение местных волонтерских отрядов, финансируемых добровольными пожертвованиями или займами, под единое командование и, вслед за созданием единой армии, принятие Декларации независимости, вводящей часть будущей конституции, в 1776 году и подписание федерального договора в 1781-ом. Объединённая армия под командованием Джорджа Вашингтона победила, в конечном счёте, королевскую армию; мир был подписан в 1783 году, а в 1789 был избран первый президент.

Важность Американской революции состоит в следующем. Во-первых, она установила систему политических институтов, которые остаются, на фундаментальном уровне, неизменными на протяжении двухсот с лишним лет. Конституция, принятая в конце XVIII века, определяла избрание президентов каждые четыре года и членов парламента каждые два года в течение этого времени. Та же самая конституция стала образцом или прямым прототипом для десятков конституций других стран. Более того, она не просто провозгласила, но ввела в действие, по результату уже первых десятилетий, принципы республиканизма, при котором органы власти подотчетны гражданам и регулярно переизбираются ими. Это относится не только к нормам, непосредственно закреплённым в законодательных актах, но и к институтам неформальным: например, институту сменяемости высшего политического руководства, который был по существу – без отклонений от писаной нормы – нарушен лишь один раз за 230 лет, и принципу разделения властей, также сохранившемуся в максимально неизменном виде. Эта исключительная стабильность несравнима со стабильностью никакой другой демократической политической системы и никакой другой политической системы вообще, если речь идёт о новейшей истории.

Не только конституция оказала фундаментальное влияние на конституции будущего. Американская революция стала вдохновляющим прообразом для Французской революции, центрального события европейской истории XVIII-XIX веков и множества национально-освободительных революций, от Латинской Америки XIX века до Азии и Африки XX-го.

Вторая основная причина, почему Американская революция является необходимым элементом в «ряду великих революций» состоит в том, что она, по сравнению со многими, была ясно артикулирована. Политические трактаты столпов «американского просвещения», Джефферсона, Джея, Гамильтона, Мэдисона, Франклина задали и философские, и прагматические рамки для политического движения и новой страны.

Соображения, сформулированные ими во время обсуждения политического устройства создаваемых Соединенных Штатов, относительно, например, соотношения полномочий трёх ветвей власти, двухкамерного устройства федерального парламента, распределения полномочий между федеральным центром служат основой для дискуссий при написании новых конституций до сих пор.

Справедливости ради, есть как минимум две причины сомневаться в исторической важности Американской революции. Во-первых, результатом революции стала радикальная смена политического и государственного устройства на новом федеральном уровне, но экономические отношения граждан поменялись в минимальной степени. Обратной стороной устойчивости нового политического режима стала его консервативность – оставив штатам, вошедшим в союз, практически суверенные полномочия, конституция закрепила, среди прочего, рабство в южных штатах. Во-вторых, революция произошла на периферии Британской империи, не затронув, принципиально, системы власти в метрополии.²¹

В отношении Второй русской революции Американская революция интересна прежде всего контрастом. В отличие от США, где штаты при создании делегировали имевшиеся полномочия создаваемому центральному правительству, в России происходило резкое движение в противоположном направлении – сначала республики СССР, российские «колонии», получили независимость, после чего «собственно Россия», РСФСР в составе СССР, стала федерацией. В отличие от Американской революции, в России дискуссия об изменениях следовала за ними; минимальное и краткое обсуждение предшествовало только принятию новой конституции в декабре 1993 года. Еще одним крупным отличием было резкое изменение структуры собственности в России и сохранение, за исключением собственности британской короны, в Америке.

Несмотря на контрасты, сходства тоже имеется – результатом обеих революций стала значительная демократизация политического процесса и увеличение подотчетности власти. И в Америке, и в России результатом революции стало появление поста президента и федерального парламента, избираемого гражданами. Кроме того, обе революции

²¹ Конечно, Американская революция имела прямые последствия на европейском континенте, во Франции: когда там началась революция, идеи и конструкции, уже воплощённые в США были, наряду с идеями европейского просвещения, основой для новых политических систем (Israel, 2014). Кроме того, использовался и непосредственный опыт: например, маркиз Лафайет, игравший значительную роль в первый год Французской революции, до этого был генералом революционной армии в Америке. Томас Джефферсон, посол США в Париже, консультировал Лафайета при написании Декларации прав человека и гражданина.

избежали целенаправленного террора против оппонентов революции – и в Америке, и в российской метрополии. Это заметно контрастирует с опытом Французской, Китайской и Первой русской революции.

Французская революция (1789-1799)

Французская революция, являющаяся предметом научных дискуссий на протяжении двух столетий, важна по несколько причинам. Во-первых, она произошла в одной из стран-лидеров мирового развития – и в экономическом, и в интеллектуальном смысле, в самом центре мира с точки зрения европоцентричной истории. Французская революционная конституция была, в некоторых отношениях, инновационной по сравнению с американской. Также как американская, она отдавала суверенитет совокупности всех граждан и наделяла граждан неотъемлемыми правами. Однако создатели французской конституции 1793 года считали американский вариант недостаточно демократическим: американская конституция не только не запрещала рабство, но и оставляла определение того, кто имеет право голоса, отдельным штатам. Французская – давала всем [мужчинам] право голоса. Одной из причин большего упора на равенстве во Франции по сравнению с Америкой было то, что во Франции революционеры последовательно пытались поменять структуру собственности, в то время как в Америке – сохранить. Принятая в 1789 году Декларация прав человека и гражданина была преамбулой во французских конституциях в 1791 году, 1870-1940 годах и после 1958 года, и является до сих пор основополагающим документом о правах человека.

Насколько вдохновители и лидеры Французской революции были способны сформулировать абстрактные принципы, которые стали основой для будущих деклараций и конституций по всему миру, настолько же они не были способны ни на каком этапе создать устойчивые институты государственной власти или хотя бы сформировать правительство, которое продержалось бы более нескольких месяцев. За первые пять лет революции было принято пять конституций, каждый раз определявших новую систему политического устройства. Жертвой изменений стали сначала абсолютная монархическая власть, потом сам Людовик XVI и его окружение, потом – все более широкие слои бенефициаров старого режима – прежде всего аристократии и священнослужителей. На четвёртый год революции начался террор, в результате которого погибли десятки тысяч людей по всей Франции, практически все идейные лидеры первых лет революции и, в конечном счёте, сами идеологи и организаторы репрессий, массовых и верхушечных. Политическая стабильность восстановилась только с укреплением абсолютной монархии

Наполеона Бонапарта, который за десять лет до этого, в начале революции, был лейтенантом артиллерии в провинциальном гарнизоне.²²

Как и в случае двух других «великих» революций, Китайской и Первой русской, фундаментальной проблемой перед революцией был конфликт между интересами крестьян и появляющейся финансовой буржуазии и политической системой, в которой власть принадлежала наследственной аристократии-крупным землевладельцам и церкви. Несмотря на то что первый стабильный послереволюционный режим был снова абсолютной монархией (Наполеона вместо династии Бурбонов), распределение собственности на землю, отменившее права прежних владельцев и сделавшее круг землевладельцев гораздо более широким, было совершенно другим. Навсегда была отменена сословная структура общества – это изменение, наряду с новым устройством государственного управления, распространилось вслед за победами наполеоновских армий по континентальной Европе. Изменения привели к быстрому экономическому прогрессу, и непосредственно после прекращения революционной нестабильности и наполеоновских войн, и на протяжении следующего века; политическая система при этом оставалась нестабильной на протяжении почти ста пятидесяти лет.

Китайская революция (1911-1949)

Китайская революция традиционно стояла в марксистском анализе особняком – в марксистских терминах, Китай перешёл от феодализма к социализму, минуя стадию капитализма. Это место в классификации было вызвано тем, что несмотря на наличие заметного образованного слоя, игравшего ключевую роль на начальной стадии революции, революционное движение, которое победило в итоге, через сорок лет, было в основном крестьянским. На первой стадии революции, в 1911 году, прекратилась, после двух тысяч лет существования, и нескольких десятилетий бесплодных попыток частных реформ, местных бунтов, крестьянских и этнических, и унижительных военных поражений, история китайской имперской монархии. В следующие три десятилетия никакой политической организации, ни революционной, ни реставрационной, ни националистической не удалось полностью консолидировать власть и конфликт между массой крестьянства и экономической системой, при которой большей частью земли владела относительно небольшая социальная группа, никак не был разрешен. Только с созданием революционного движения, опиравшегося на крестьянские массы и противостоявшее и

²² См. событийную историю Французской революции в современном изложении, например, в Porkin (2019); классический анализ террора в Palmer (1941).

японским оккупантам (потерпевшим поражение во Второй мировой войне) и «националистам», победителям первого этапа революции, в стране появилась сила, способная радикально изменить структуру собственности.

Однако после окончательной победы Китайской коммунистической партии в 1949 году новое государственное устройство, однопартийная диктатура, и практическая политика не выражали интересов того класса, крестьянства, из которого победившая партия вышла. Предыдущая, дореволюционная структура собственности была отменена, а экономические отношения принципиально изменились – и земля, и производственные активы принадлежали теперь, на бумаге, всем гражданам коллективно, а управлялись узкой политической элитой. Когда со смертью революционного вождя и лидера Китая после революции Мао Цзедун началась обратная экономическая трансформация в сторону капиталистического устройства, мирная и плавная экономическая революция, которую мы обсуждали выше, частные активы появлялись заново, а не в результате возвращения того, что было раньше.

Русская революция (1917-1923)

Временные границы Первой русской революции определяются так: в феврале-марте 1917 года произошла насильственная смена правительства и вынужденное, под давлением военных и широком согласии политической элиты, отречение императора. К 1923 году правительство коммунистов во главе с Лениным консолидировало власть на большей части дореволюционной территории страны.²³ Как и Французская революция, Первая русская революция последовала за несколькими неудачными попытками старого режима собрать, с помощью выборов с ограниченной франшизой и по сложным формулам, собрание, которое могло бы осуществлять функции законодательной власти. Первая такая попытка была предпринята в 1906 году вслед за подавлением попытки восстания. Как и во Франции, основной проблемой была такая диспропорция разных групп населения, что любая демократическая процедура выборов давала преимущество в собрании противникам

²³ Как и в случаях других революций, точные временные рамки могут зависеть от точки зрения исследователя. В частности, после окончания открытых военных столкновений в 1922-23 годах, гражданская война продолжалась, с разной интенсивностью, в виде массового террора до Второй Мировой войны и внутриэлитных репрессий до середины 1950-х. Fitzpatrick (1982) выделяет «четыре революции» в России в 1917-1932; для наших целей удобнее считать революцией единый промежуток между двумя стабильными режимами. С таким определением Первая русская революция происходила в промежутке между 1905 годом, когда прошли крупные протесты и вооруженные выступления против монархии, и концом 1930-х годов, когда новый режим можно считать полностью консолидированным.

правлящих классов, аристократии и крупной буржуазии, контролировавших кабинет министров.

Непосредственной причиной революции стала серия военных поражений, некомпетентность высшего руководства, определяемого императором и его двором, перебои с продовольствием, катастрофические потери на фронте, которые привели к деморализации армии и падению популярности войны в обществе. Русская армия, традиционно многочисленная, состояла в основном из крестьянских детей. Конфликт между крестьянами и крупными землевладельцами получил ещё одну ипостась – теперь это был конфликт между солдатами, не хотевшими воевать, и их командирами.

Первый послереволюционный институт – первые в мире выборы на национальном уровне с универсальной франшизой – был отменен сразу же, в январе 1918. В ходе гражданской войны сформировался авторитарный режим, в котором ключевую роль играла коммунистическая партия. Номинально партия представляла интересы рабочих и крестьян, но в реальности через двадцать лет после революции рабочие не оказались в преимущественном, по сравнению с рабочими в ведущих экономических державах, положении. Оно улучшилось по сравнению с другими социальными группами в стране – прежде всего, с крестьянством, положение которого ухудшилось по сравнению с последними десятилетиями Империи, дворянством и буржуазией, которые перестали существовать вовсе, и интеллигенцией, которая пострадало от эмиграции и репрессий. В отличие от других революций, уничтожение крестьянства в России можно считать непосредственным результатом революции.²⁴

Как и во Французской революции, смена политического устройства сопровождалась физическим уничтожением прежней элиты. Как и во Французской революции, убиты или

²⁴ Асемоглу и Робинсон (Acemoglu, Robinson, 2015[2012]) обсуждают Первую русскую революцию как пример перехода от одних экстрактивных институтов к совершенно другим, но не менее экстрактивным. Одним из важнейших дореволюционных институтов было помещичье землевладение, отбиравшее, в качестве ренты, большую часть добавленного продукта, производимого крестьянами. После революции были созданы новые институты изъятия ренты у крестьян, основанные на прямом или непрямом насилии. На протяжении всей советской истории происходило значительное перераспределение ресурсов из сельского хозяйства в остальные сектора экономики. Экономический кризис, начавшийся в 1990-м году, был во многом результатом распада советских экстрактивных институтов. В ожидании перехода к рынку продовольствие резко подорожало по сравнению со всеми остальными товарами; заниженная плановая цена стала меняться в сторону рыночной. Из-за резкого увеличения (относительных) цен на еду, на все остальное стало не хватать денег.

изгнаны были не только участники, в самом широком смысле, государственного управления и их семьи, но и интеллектуальные, культурные, научные элиты.

Вторая русская революция ставит под вопрос важность первой в историческом масштабе, поскольку её основные результаты были, по существу, отменены к концу XX века. В политической сфере результатом революции, после завершения гражданской войны, был автократический режим, однопартийная диктатура, временами переходившая, *de facto*, в диктатуру личную. В течение трёх десятилетий после 1991 года в России существует другой политический режим. Отдельные периоды можно охарактеризовать как несовершенную демократию, отдельные – как разные виды автократии, но никакой из этих режимов не является прямым наследником партийной диктатуры советского времени. Можно представить себе аргументацию о преемственности номенклатуры, но это преемственность, не личная, а институциональная, если и существует, восходит к временам империи, функции и родовой аристократии и, значит, не является результатом революции 1917 года.

Краткая история второй революции в России

Как и в любом масштабном историческом эпизоде, в событиях 1989-1991 года участвовали сотни значимых фигур и миллионы, если не десятки миллионов, принимали участие в массовых акциях. Даже самая простая хронология, включающая только самые важные события, потребовала бы, как минимум, большой статьи. Наша задача – сравнение ключевых элементов этой революции с характеристиками важных революций прошлого, и, соответственно, нет никакой возможности обсуждать что-то кроме этих нескольких элементов.²⁵

12 октября 1964 году пленум центрального комитета Коммунистической партии завершился отстранением Никиты Хрущева, возглавлявшего страну в качестве руководителя партии и правительства в течение почти целого десятилетия. Смена власти была не только переходом от очередного периода личного руководства к коллективного, но и переходом к власти нового поколения руководителей – людей, которые были детьми или подростками во время первой революции. К этому моменту советская плановая экономика уже столкнулась с проблемами, которые были предсказаны, теоретически, еще

²⁵ История перехода от плановой экономики к рыночной описана во множестве источников. Treisman (2011) и Плохий (2016) описывают событийную политико-экономическую историю, Ясин (2002) – историю экономических реформ 1990-х.

в «Дороге к рабству» Фридриха Хайека в 1944 году – в отсутствие цен, сигнализирующих, в рыночной экономике, о предпочтениях потребителей и возможностях производителей, принимаемые плановыми органами решения об использовании ресурсов становились все менее эффективными. Новое руководство наметило комплекс экономических реформ («косыгинские реформы»), но они были быстро свернуты – возможно, потому что после открытия газовых месторождений Сибири и резкого скачка цен на нефть в 1973 году, у правительства появилась возможность компенсировать отсутствие реформ закупками продовольствия и производственных линий за границей. Тем не менее, экономическая неэффективность народного хозяйства только росла: 1970-80е характеризовались высоким уровнем инвестиций, низкими темпами роста экономики и, с середины 1970-х, стагнацией уровня жизни.

В первой половине XX века однопартийная диктатура казалась прогрессивным вариантом авторитарного управления. Во всяком случае, и китайская, и российская коммунистические партии успешно справились с вызовами гражданских войн. Проблема российской партии оказалась в том, что ей так и не удалось, за почти век истории, выработать хоть сколько-то простой механизм сменяемости высшего руководства. В теории, разделение, на самом высшем уровне, ответственности, устроенное в 1964 году, должно было бы предотвратить консолидацию всей власти в руках у узкой группы несменяемых лиц. На практике к середине 1970-х – произошло именно это: одному из лидеров смещения Хрущева, Леониду Брежневу, удалось сосредоточить всю власть в своих руках. Важно, что это поставило крест на идее регулярных кадровых изменений – в следующем десятилетии основной причиной выбытия из высшего руководства страны стала тяжелая болезнь и смерть. Это стало физическим выражением негибкости политической системы, одного из необходимых условий любой революции.

В этой ситуации хоть сколько-нибудь серьёзные реформы в области экономики не только не проводились, но и не обсуждались даже когда в начале 1980-х, проблемы стали заметны невооружённым глазом – прежде всего, в виде дефицита, все более острого, потребительских товаров и продуктов питания. Не проводились не только реформы, затрагивающие основы плановой экономики, но даже и такие реформы, которые, казалось бы, этих основ не затрагивали. Например, требовалось, и все более настоятельно, существенное сокращение военных расходов, которые не были оправданы ни внешними угрозами, ни, что более важно, экономическими возможностями. Требовалось сократить расходы на мирную внешнеполитическую деятельность. В аналогичной ситуации

фискальных трудностей французский и российский монархи пытались, в период, предшествовавший революциям, собрать представительные органы, которые могли бы дать согласие, от имени граждан, на повышение налогов. В советской России 1980-х согласие граждан на сокращение военных расходов, конечно, не требовалось. Требовалось политическое решение, которое в рамках сложившейся системы не могло быть принято лидером, пусть и реформаторски настроенным, единолично. Эти решения так и не были приняты ни в какой момент – нереальные, неоправданные расходы на оборону и внутреннюю безопасность были приведены к норме только «по факту», в результате бюджетной катастрофы 1990-91 годов.

Экономические реформы, включающие элементы перехода к рыночной экономике, упорядочивающие стимулы для производителей и потребителей, и призванные повысить эффективность распределения ресурсов и производственных активов, начались в 1985-ом году, с приходом нового руководства. Михаил Горбачев не просто сменил Константина Черненко, предыдущего лидера, на высшем посту – было ясно обозначена необходимость глубоких реформ. Эти реформы, как и в предреволюционных эпизодах Французской, Китайской и Первой русской революции были либо откровенно неправильными («ускорение»), либо неполными, непоследовательными и усиливающими противоречия вместо того, чтобы их снимать («кооперативы»). Пытаясь повысить подотчетность бюрократического аппарата, Горбачев и его соратники начали «гласность», политику плавной отмены жесткой цензуры и репрессивного контроля над публичными высказываниями. Поскольку эти реформы опирались на куда более явно сформулированный общественный запрос, чем реформы экономические, они и шли куда быстрее. (Впрочем, тоже очень медленно – цензура была отменена только на шестой год реформ, а полноценное создание политических партий стало возможным только после коллапса советской системы при новой, послереволюционной власти.) Анализ многочисленных, и неудачных, попыток что-то поменять в экономической сфере, ограниченных жесткостью политической системы, ясно показывает, что постреволюционные сожаления о том, что экономические реформы не были проведены до утраты авторитарным режимом политического контроля, являются ровно тем же, чем были сожаления о непроведенных или недоведенных до конца реформах в преддверии Французской, Китайской и Первой русской революций. Каждая из этих реформ, возможно,

могла быть слегка улучшена и проведена более последовательно – никакая из них, в одиночку, не имела шансов поменять ход событий.²⁶

Пример еще одной принципиальной реформы, которая могла бы, теоретически, сохранить стабильность режима - это выход части республик-"колоний", прежде всего Балтийских стран, из состава большой страны.²⁷ Отрицательную роль сыграла и "мина замедленного действия", включение в состав Украины областей, завоеванных у Польши и Венгрии по итогам Второй мировой войны. Украина без этих областей обладала бы устойчивым доминирующим ядром русскоязычного населения, что резко снизило бы центробежную силу между Киевом и Москвой в конце 1980-х-начале 1990-х. В целом конструкция страны в виде объединения национальных республик оказалась плохо пригодной в ситуации кризиса. Напротив, в последние годы десятилетия явно обозначился процесс, предсказанный за двадцать лет до этого Амальриком (Амальрик, 1969) - сращивание партийной и националистической элиты в союзных республиках и создание местных элит, ориентированных на суверенное существование. Этот процесс не был похож на коллапс старой государственной системы во Франции и России 1910-20х, но имеет параллель в истории Китайской революции.

Как и во Французской и Первой русской революциях, период, непосредственно предшествовавший революционному, был заполнен попытками властей «расширить избирательную франшизу», то есть частично увеличить подотчетность власти граждан. Исторически это делалось для того, чтобы увеличить налоговое бремя или собираемость налогов и получить поддержку по другим важным вопросам. В СССР попытки чуть-чуть расширить круг тех, кто влиял на власть, делались в связи с необходимостью поддержки реформ, которые, в свою очередь были вызваны быстро ухудшающимся экономическим положением. В 1987 году была собрана внеочередная партийная конференция, в 1989 – избран, в основном на неконкурентной, контролируемой основе, представительный съезд народных депутатов, в 1990-91 проведены выборы в субфедеральные органы власти. Как и в преддверии Французской и Первой русской революций, основной проблемой для властей было то, что контролируемые выборы не расширяли уровень поддержки, а

²⁶ В монографии Miller (2016) провал попыток Горбачева реформировать советскую экономику (и поворот к политическим реформам после того как экономические застопорились) объясняется сопротивлением сильных и организованных групп интересов – военно-промышленного, топливно-энергетического и агропромышленного комплексов; см. также критический разбор подхода Миллера в Guriev (2019).

²⁷ Справедливости ради, выделение части страны в качестве независимой единицы в результате мирного процесса – скорее исключение, чем правило.

неконтролируемые, свободные выборы привели бы к утрате власти. В итоге динамика создания новых выборных органов стала хорошей иллюстрацией к тезису о невозможности частичной демократизации из-за проблемы связывающих обязательств, о которой мы подробно говорили выше.

Важным скрепляющим элементом властной конструкции в СССР было отсутствие отдельной партийной иерархии в РСФСР (название России в нынешних границах в составе СССР). Соответственно, появление, на самом раннем этапе демократизации, республиканских партийных органов стало шагом в сторону разрушения федеральных структур. Интересно, что их создание было инициировано партийными политиками националистически-консервативного толка, противниками, в остальном, реформ; только позже повестка "Россия - это отдельная страна" была перехвачена либеральными и реформаторскими политиками. После проведения полусвободных, в условиях цензуры и официального контроля со стороны единственной политической партии, выборов парламента в марте 1990 года, избрания Бориса Ельцина его председателем, именно вокруг субфедерального правительства РСФСР стало формироваться ядро оппозиции федеральному правительству. Этот процесс, быстротечный и неструктурированный, существенно отличался от долгого и сложного формирования партий как инструментов захвата и консолидации власти в России и Китае в первой половине XX века.

В отличие от Американской и Первой русской, но аналогично Китайской и Французской революциям, новая, послереволюционная власть имела слабое отношение к тем, кто вдохновлял и направлял революцию в её начале. Реформаторы в высшем руководстве коммунистической партии и националисты среднего руководящего звена были представлены в высшем послереволюционном руководстве, но в минимальной степени. Президент Ельцин был единственным человеком, которого можно было бы, и то с определённой натяжкой, назвать членом высшего руководства в период, предшествовавший революции. Определенно можно сказать, что новая власть в России 1990-х не опиралась на какую-то предреволюционную структуру, как коммунистические партии в Китае 1950-х и России 1920-х.

Построение новых органов государственного управления в начале 1990-х было, в отличие от Американской революции, не продуманным и организованным, а спонтанным. Даже по сравнению с тремя другими революциями новая структура власти была в большей степени результатом хаотического, неартикулированного процесса с большим количеством независимых акторов. Более осознанным был процесс написания и принятия

на всенародном референдуме конституции 1993 года, которая относительно долгое время, как минимум на протяжении двух десятилетий, определяла структуру государственной власти в России.²⁸

Непосредственным триггером краха старого режима, символической «точкой перелома», аналогичной принятию Декларации независимости в июле 1776 года, взятию Бастилии в июле 1789-го, отречению императоров в феврале 1912-го в Китае и марте 1917-го в России, стала попытка вооруженного захвата власти группой высших руководителей страны в августе 1991 года. Когда попытка, сопровождавшаяся публичными декларациями о необходимости отмены реформ, с треском провалилась, власть на центральном, «федеральном» уровне фактически перестала существовать. Все пятнадцать советских республик, независимо от того, насколько популярны были сепаратистские настроения, сформировали собственные суверенные правительства, в некоторых случаях впервые в своей истории. В России новая власть объявила, еще до формального роспуска СССР в декабре 1991 года, о новых реформах – после шести лет частичных реформ при старом режиме – радикально меняющих экономические отношения, переход от плановой экономики к рыночной.

Несмотря на реформаторскую риторику, в значительной степени ключевые экономические реформы не были осмысленными, продуманными и законодательно оформленными действиями. Например, никто не принимал решения об отмене государственного планирования в момент, когда оно ещё существовало. Госплан был закрыт после того, как подчиненные органы и предприятия перестали выполнять его указания, а правоохранные органы перестали обеспечивать исполнение законов в этой сфере. Сам отказ от исполнения указаний был вызван, в значительной степени, пониманием что в условиях острого экономического кризиса выполнение каждого отдельного указания только усугубляло ситуацию.²⁹ Точно так же никто не проводил специально политики радикального сокращения расходов на оборону и безопасность – той самой реформы, которая могла бы спасти прежний режим и страну в прежнем виде, если бы была осуществлена, самое позднее, в середине 1980-х.

²⁸ Вопрос о том, в какой мере конституция 1993 года определяет политическую систему в России в 2021 году, требует, несомненно, отдельного обсуждения.

²⁹ Егор Гайдар в монографии «Гибель империи» (Гайдар, 2006) демонстрирует обширные свидетельства критической дисфункции органов госуправления в сфере экономики в годы и месяцы, непосредственно предшествовавшие коллапсу старого режима.

В тоже время был целенаправленно осуществлён целый ряд важных реформ. Например, в экономической сфере были отменены ограничения на импорт, что радикально, в первые же месяцы 1992 года, изменило набор продовольственных продуктов и товаров в магазинах. Эти продукты и товары, физически недоступные для большей части населения до коллапса советской экономике, теперь стали недоступны из-за инфляции, вызванной сначала выходом наружу "скрытой инфляции" советского времени и финансированием растущего бюджетного дефицита печатанием денег в 1988-1991 годах, а потом и неспособностью нового правительства справиться с нарастающим спадом производства. В смежной сфере, важной реформой стала организация единого валютного рынка – доступ к разным валютным курсам, возможность валютного арбитража, был источником состояний для тех, кто этот доступ имел, за счёт всех остальных граждан. Следующим шагом, уже заложенными в момент перехода к рыночной экономике, были приватизация – массовая и популярная приватизация жилья, не вызывавшая особого напряжения приватизация малых предприятий и значительно более сложная и конфликтная приватизация производственных активов.³⁰

Заключение

Конец 20-го века ознаменовался целой серией революционных изменений: распались десятки диктаторских режимов, на месте которых сформировались новые. Эти новые режимы, по итогам первых десятилетий своего существования, дают примеры самого разнообразного политического устройства – от устойчивых, конкурентных демократий до персоналистских авторитарных режимов. Первые десятилетия двадцать первого века дополнили коллекцию примеров. Резкие смены политического устройства, радикальные экономические изменения дали целую серию новых примеров и значит, открыли пути для нового анализа и синтеза. Более того, новый опыт – и новые аналитические инструменты, появившиеся в последние десятилетия - требуют критического пересмотра того, что мы знаем о знаменитых исторических революциях.

В отдельных случаях новый опыт принципиально меняет классические интерпретации революций прошлого. Не так просто сформулировать, к какому политическому режиму привела Вторая русская революция (1989-1992), но, через три десятилетия, можно определенно сказать, что она завершила историю Первой Русской революции (1917-1922).

³⁰ Анализ ситуации, предшествовавшей реформам, и реформ самими реформаторами изложен в Гайдар (2006) и Авен, Кох (2013). Brown, Earle, Gehlbach (2013) дает обзор работ о результатах приватизации.

Завершила, фактически, полной отменой её результатов: с поправкой на столетие, легко представить совершенно другие траектории институционального и экономического развития, которые привели бы страну из той же точки 1914 года в 2014-й. Соответственно, современная оценка Первой русской революции должна опираться, как на ключевой фактор, на то, что политические и экономические, сложившиеся в её результате, оказались, в исторической перспективе, недолговечными и оставили, как выясняется, ограниченный след в истории.

Вторая русская революция представляет большой интерес и сама по себе как важный эпизод разрывной, радикальной трансформации общества и государства. Её место в ряду аналогичных исторических эпизодов – Американской, Французской, Китайской и Первой русской революции – оправдано размером страны и масштабом произошедших изменений. Прошедшие с её окончания три десятилетия создали, наконец, временную дистанцию, позволяющие анализировать события если не беспристрастно, то, хотя бы, имея представление о том, что оказалось мимолетным, сиюминутным, а что важным и устойчивым.

ЛИТЕРАТУРА

Петр Авен, Альфред Кох. *Революция Гайдара: История реформ 90-х из первых рук*. Альпина Паблишер, 2013.

Андрей Амальрик. *Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?* Фонд имени Герцена, Амстердам, 1969.

Егор Гайдар. *Гибель империи*. РОССПЭН, 2006.

Владимир Ленин. *Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения*. 1902.

Владимир Ленин. *Маёвка революционного пролетариата*. 1913.

Владимир Мау, Ирина Стародубровская. *Великие революции. От Кромвеля до Путина*. Вагриус, Москва, 2001.

Сергей Плохий. *Последняя империя. Падение Советского союза*. Москва: Corpus, 2016.

Питирим Сорокин. *Социология революции*. РОССПЭН, 2005[192].

Алексей Юрчак. *Это было навсегда, пока не кончилось*. Новое литературное Обозрение, 2016.

Daron Acemoglu, James A. Robinson. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. Crown, New York, 2012.

Daron Acemoglu, James A. Robinson. A Theory of Political Transitions. *American Economic Review*, 91 (4): 938-963. 2001.

Daron Acemoglu, James A. Robinson. *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. Cambridge University Press, 2005.

Daron Acemoglu, Georgy Egorov, Konstantin Sonin. Dynamics and Stability of Constitutions, Coalitions, and Clubs. *American Economic Review*, 102(4):1446–1476, 2012.

Crane Brinton. *The Anatomy of Revolution*. Vintage Books, 1938.

David Brown, John S. Earle, Scott Gehlbach. Privatization. *The Oxford Handbook of the Russian Economy*, под ред. Michael Alexeev, Shlomo Weber, 161–88. Oxford and New York: Oxford University Press.

Ethan Bueno De Mesquita. Regime Change and Revolutionary Entrepreneurs. *American Political Science Review*, 104(3):446–466, 2010.

Alexis de Tocqueville. *The Old Regime and the French Revolution*. New York: Anchor Books, 1856.

Georgy Egorov, Konstantin Sonin. The Political Economics of Nondemocracy. Препринт, 2020.

Georgy Egorov, Konstantin Sonin. Elections in Nondemocracies. *The Economic Journal*, 131(636):1682–1716, 2021.

Sheila Fitzpatrick, *The Russian Revolution*. Oxford University Press. 1982.

Francis Fukuyama. *The End of History and the Last Man*. Free Press, 1992.

Scott Gehlbach, Konstantin Sonin, Milan W. Svolik. Formal Models of Nondemocratic Politics. *Annual Review of Political Science*, 19(1):565–584, 2016.

Edward L. Glaeser, Andrei Shleifer. The Rise of the Regulatory State. *Journal of Economic Literature*, 41(2):401–425, 2003.

Jack A. Goldstone. Theories of Revolution: The Third Generation. *World Politics*, 32(3):425–453, 1980.

Jack A. Goldstone. Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory. *Annual Review of Political Science*, 4(1):139–187, 2001.

Jeff Goodwin. *No Other Way Out: States and Revolutionary Movements, 1945-1991*. Cambridge University Press, 2001.

Sergei Guriev. Gorbachev versus Deng: A Review of Chris Miller’s The Struggle to Save the Soviet Economy. *Journal of Economic Literature*, 57(1), 120–146, 2019.

Sergei Guriev, William Megginson. Privatization: What Have We Learned? In *Beyond Transition*, ред. François Bourguignon, Boris Pleskovic, 249–96, Washington, DC: World Bank, 2007.

Ted Robert Gurr. *Why Men Rebel*. Princeton University Press, 1970.

Friedrich Hayek. *The Road to Serfdom*. University of Chicago Press, 1944.

Paul Hollander. *Political Will and Personal Belief: The Decline and Fall of Soviet Communism*. New Haven and London: Yale University Press, 1999.

Jonathan Israel. *Revolutionary Ideas: An Intellectual History of the French Revolution from The Rights of Man to Robespierre*. Princeton University Press, 2014.

Richard S. Katz. *Democracy and Elections*. Oxford University Press, 1997.

Karl Marx. Critique of the Gotha Programme. 1891.

Chris Miller. *The Struggle to Save the Soviet Economy: Mikhail Gorbachev and the Collapse of the USSR*, Chapel Hill: The UNC Press, 2016.

Barrington Moore. *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Beacon Press, 1966.

Douglass C. North, Barry R. Weingast. Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-Century England. *The Journal of Economic History*, 49(4):803–832, 1989.

Mancur Olson. *The Logic of Collective Action*. Harvard University Press, 1965.

Jeremy D. Popkin. *A New World Begins: History of the French Revolution*. New York: Basic Books, 2019.

R.R. Palmer. *Twelve Who Ruled: The Year of Terror in the French Revolution*. Princeton University Press, 1941.

Torsten Persson, Guido Tabellini. Democratic Capital: The Nexus of Political and Economic Change. *American Economic Journal: Macroeconomics*, 1(2):88–126, 2009.

Steven C. A. Pincus. *1688: The First Modern Revolution*. Yale University Press, 2009.

Plokhy, Serhii. *The Last Empire: The Final Days of the Soviet Union*. London: Oneworld Publications, 2014.

Mehdi Shadmehr. Khomeini's Theory of Islamic State and the Making of the Iranian Revolution. *SSRN Electronic Journal*, 2018.

Andrei Shleifer, Edward Glaeser, Jose Scheinkman. The Injustice of Inequality. *Journal of Monetary Economics*, 50(1):199–222, 2003.

Theda Skocpol. *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge University Press, 1979.

Charles Tilly. *From Mobilization to Revolution*. Random House, 1978.

Charles Tilly. *Popular Contention in Great Britain, 1758-1834*. Harvard University Press, 1995.